

Этот поэт уже летит в таких небесах, что ни руками, ни сетью его не поймать; только – сонастроенным, любящим сердцем.

Летит там, где летят птицы и ангелы.

У нас в России есть Нина Ягодинцева, поэт милостью Божией; и погрузиться в тексты ее новой книги – все равно что нырнуть в эту слепящую, широкую, на полмира, небесную синеву.

Губы смочить – в горсти
Пусто. Дыханье – пламя.
Нечего жечь. Костры
Ходят лихими снами,

Жадно лелея мечь
И не тая иного
Смысла. Но есть же, есть
Слово – я жажду Слова...

Книга Нины Ягодинцевой «Человек человеку» – сплав исповеди, музыки, летописи, наблюдения, молитвы, философии, красоты, трагедии. Этот крепчайший сплав и есть, в сущности, подлинная поэзия – редкая птица в век, где искусной и неуловимой стала профанация,

притворяющаяся подлинностью, где ложный гремящий пафос заслоняет и удачно скрывает плачущее, молчащее лицо правды, где щемящая струна лирики подменяется условностью геометрически выверенного, игрового текста.

По книге Нины можно проверять градус времени, уже приучившего нас к постоянным контрастам – социальным, культурным, интимным. Удивительная жизнестойкость стихов – у них превосходный живой скелет, стойкий словесный каркас, упругость почти мужская, почти минеральная кристаллическая решетка, – и одновременно их поразительная, глубинная женственность, то великое вечное Инь, что навек вбирает в себя любое военное жесткое Ян, тот океан лиризма и неутоенной (и разделенной, и неутоленной) любви, что льется из этих строк и слов, – это тоже контраст, и это тоже гармония.

Гармония и контраст – родня; еще Бетховен говорил об этом, и все лучшие художники во все времена соблюдали этот космический закон – не столько как композиционный, скорее как нравственный, по Канту. У Нины Ягодинцевой – то же образное коромысло; поэт идет, и оно балансирует на его плечах:

Как же мы эту землю любили,
Как несли сквозь беду на руках!
Невозможные розы Сибири
На студеных взошли берегах –

И стоишь в изумлении: дай мне
Наглядеться на буйный пожар!
Из чего эти розы? – Из тайны.
Ради тайны и сердца не жаль.

Открытость просторам, живописность и яркость, огненное буйство пресветлого и сверкающего под солнцем дольного мира – а рядом – нежная тайна твоей, только твоей души. Личная, бессловесная тайна; ее только музыкой сказать, выдохом, лаской. И цветы женского сибирского полушалка, «разноцветные диковинные» розы, внезапно становятся этой мегаметафорой мира: женщина несет мир на плечах, кутается в него в мороз, обхватывает его ярким цветением щеки и грудь – чтобы нести, не стыдясь, сквозь все страдания, по своему пути – свою красоту.

Эстетика, красота стиха у Нины Ягодинцевой плотно сплетена с философией. Всякий художник – философ, это уже аксиома. И самый трепетно-трогательный, самый интимный лирик – если обернуть медаль другою стороной – самый народный, самый людской, человеческий поэт. Намеренно не произношу слов «социальность», «социум»: они чересчур приземлены для ощущения, восчувствования неподдельной народности. Когда-то славой и почетом было для поэта – стать народным: даже не в смысле всенародно читаемым – скорее в смысле звучащим голосом, голосами народа. Нина – это голос народа в платье высокого искусства. Так вышло. Так получилось. И для русской поэзии это – счастье. Счастье это еще поймут, примут, осознают. Искусство проверяется временем.

...Черным-черна зимы изнанка
И дышит пламенем из пор.

Я молча говорю: прости.
Не знаю, ныне или присно
Мои снега – моя отчизна.
Мне больше некуда идти.

Да не воспримутся репризной традиционной формулой эти слова – любовь к Родине. Нелишние их повторить – они тоже наша молитва! Да, любовь к Родине, к Уралу, к широкой могучей Сибири, хотя Нина смело живописует и другие земли – Кавказ, дальние странствия:

Это по южной степи ковыли
Молча, безропотно в пламя ложатся,
Это с востока везут корабли
Розовый пепел сгоревшего царства,

Это на севере белая мгла
Смотрит угрюмо и дышит свирепо...

Много копий за десятилетия и века сломано мыслителями на тему соотношения формы и содержания в произведении искусства. Чем пользуется поэт внутри традиции? Строфой, рифмой. Сам стих будто налит в некий сосуд, в незримый кувшин, который и есть форма для лавы, огня души и духа. У Нины стих классичен. Но это на первый взгляд – мысли, чувства, накал эмоций постоянно взрывает эту форму изнутри и на ходу по-своему, по-иному лепит ее – материя художества рождается прямо на наших глазах (а что есть поэзия, как не такое вот остановленное на лету, единственное мгновенье?), и мы становимся живым свидетелями чуда. «Свидетельствую, ибо истинно».

Горы клубятся дымом грядущих гроз,
Замер у кромки губ лепет воды.
Небо встает во весь исполинский рост,
Не уронив ни одной золотой звезды...

Вот так и поэт: во весь рост встает и храбро идет через боль жизни, через житейские и летейские воды, держа в ладонях – и не роняя никогда – светящиеся драгоценности сердца.

Это, конечно, позиция. И опять этика и эстетика здесь сплетены. Художник не может жить без веры и никогда не живет без замысла и умысла. Слово, насыщенное смыслом, наполненное большим чувством, искусство большого масштаба, взгляд, что видит прошлое и настоящее и проникает в будущее – это выбор собственного действия в искусстве, когда то, что тебе врождено, соединяется с твоим желанием и с велением Бога (судьбы).

А лейтмотивы книги, и это правильно, это справедливо, – Бог и огонь. Молитвы здесь и явные, и скрытые. А пламя пылает то и дело, то взвивается, то гаснет, то тлеет под спудом, то горит нежной тонкой свечой, – огонь всюду, он сопровождает поэта, не покидает его, и он – еще одно доказательство огненной природы и огненной силы этой поэзии; автор просто не дает стихии вырваться на волю безудержно и безоглядно, однако с огнем на страницах книги мы столкнемся не раз:

...туда, где всходила
и пламенем рваным
Тоску прожигала чужая звезда...

...но сколько ни живу – живу и думаю:
Мы здесь,
У этой страшной пристани пылающей,
Где пламя с каждым выдохом сильнее...

...Июнь. Темнеет поздно.
Жара стоит по самую душу,
Порой языками пламени выплескиваясь наружу...

...Я никуда не денусь:
Дороги сердцу нет,
Пока свеча-младенец
Сосет из мрака свет...

Этот лейтмотив, эта огненная красная нить, возможно, загорается в поэтической тьме, как бикфордов шнур, тайно, интуитивно, – но там и здесь в стихах просвечивающий, а то и откровенно горящий огонь говорит о многом. Прежде всего о пылающем, изначально пылком сердце поэта (и такое сердце есть благодать). Огонь – и мегаметафора нашего времени, беспощадной современности, что жестким и жестоким костром так или иначе вспыхивает перед каждым ныне живущим. От огня войны до огня любви – всего лишь шаг. Мать, думая о сыне, о родной крови, слышит, как летят истребители над жилыми кварталами, слышит грозный грохот. Огонь вырывается из реактивного самолетного сопла. Мать включает настольный свет в спальне. «Кроме жизни моей, у меня ничего и нет». Сын спит. Мать – охранительница, оберег, живая защита. Пока есть такие земные матери, кто может сказать людям свое о войне отвергающее, защитительное слово, – мы последнее горе от нас оттолкнем, отведем.

Сказано же, что земная жизнь держится сейчас на нескольких истовых святых молитвенниках, таких, каким был святой преподобный Серафим Саровский... Мы только не знаем их имена...

Но тревога останется. И эта книга поэта, несмотря на всю ее нежную красоту и любовь к миру, полна тревоги и боли – не декларируемой, подспудно и тихо звучащей: так печальная и суровая тема просвечивает сквозь толщу мотивов в пятиголосной фуге.

Жизнь как юдоль страданий, как сгущение инферно, констатирована была еще Эсхилом и Софоклом, подтверждена Данте и целю вереницей позднейших земных мастеров. Но поэт – всегда Человек Рождающий. Он не мирится даже с неизбежностью смерти. И вышшими, лучшими страницами в книге звучат стихотворные молитвы Нины Ягодинцевой – они сплетаются в надмирный молитвенный, в рифму, венок, и он, вырываясь из живых рук поэта, опять летит в небеса, чая достучаться до наших с вами сердец, ведь и благодаря такой любви, возможно, кто-то из нас – пусть хоть одна живая душа! – восстанет, воскреснет, возродится из бездны горя:

Человек человеку – такая печаль
Неизбывная, Господи!

По лукавым речам, пересохшим ручьям,
По мерцанию в голосе

Приближаемся к небу, где все на просвет –
Даже горы и крепости.
Человек человеку... Печальнее нет
Сей невидимый крест нести.

Занимается сердце: боли, но вмещай
Все, чем жили – да бросили...
Человек человеку такая печаль
Неизбежная, Господи!

Невозможная, Господи! Всюду темно –
А иду как с лампадою.
Что мне в этой пресветлой печали дано,
Коль иду, а не падаю?